

ГЕРХАРД БОЛЬДТ

ГИТЛЕР. ПОСЛЕДНИЕ
ДЕСЯТЬ ДНЕЙ.

РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА.

1945

За линией фронта. Мемуары

Герхард Больдт

**Гитлер. Последние десять
дней. Рассказ очевидца. 1945**

«Центрполиграф»

2007

Большдт Г.

Гитлер. Последниe десятиe дней. Рассказ очевидца. 1945 /
Г. Большдт — «Центрполиграф», 2007 — (За линией фронта.
Мемуары)

ISBN 978-5-9524-2646-7

Капитан Герхард Большдт, помощник главы Генерального штаба, оставил удивительное историческое свидетельство. Он с документальной точностью передает реакции фюрера и его ближайшего окружения на важнейшие события, описывает механизм принятия решений. Автору довелось вблизи наблюдать вождя национал-социализма и первых лиц Третьего рейха в последние дни перед крушением империи. Он создал удивительно достоверный образ фюрера, чья одержимость сменилась маниакальным упрямством и нежеланием знать о том, что реально происходило вне стен его бункера.

ISBN 978-5-9524-2646-7

© Большдт Г., 2007
© Центрполиграф, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Гитлер. Последние 10 дней. Рассказ очевидца. 1945

Глава 1

СОВЕЩАНИЕ В ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Берлин, начало февраля 1945 г. Холодный и пустынный Вильгельмплац – всего лишь нагромождение выгоревших зданий. Куда ни взглянешь, повсюду обсыпанные стены зданий с зияющими провалами оконных проемов и груды мусора. От старой имперской канцелярии, дворца в стиле необарокко, когда-то символизирующего гордую эпоху кайзера Вильгельма, остался только полуразрушенный фасад. Неповрежденным сохранилось лишь здание новой имперской канцелярии с небольшим балконом, с которого Адольф Гитлер имел обыкновение приветствовать восторженные толпы немецких подданных. Огромное и угрожающее, возведенное в высокопарном стиле нацистской архитектуры, это строение протянулось вдоль Фосштрассе от Вильгельмплац до Герман-Геринг-штрассе. Снаружи здание охраняли гвардейцы фюрера, рослые, крепко сбитые парни, какие давно уже не встречались на улицах германских городов.

За несколько недель до этого Гитлер укрылся в лабиринте подземных убежищ, расположенных под канцелярией и примыкающим садом. Тяжелые стальные двери во время воздушных налетов перекрывали все проходы. Ежедневно Гитлер проводил в канцелярии совещания, на которых в присутствии представителей всех трех родов вооруженных сил подробно обсуждалось положение на фронтах и принимались решения относительно практических военных действий сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил. Через две недели после назначения на должность старшего помощника начальника Генерального штаба сухопутных войск Хайнца Гудериана мне пришлось впервые сопровождать его в имперскую канцелярию на совещание у Адольфа Гитлера, главнокомандующего вооруженными силами Германии. Мне предстояло быть официально представленным фюреру, чтобы в случае надобности я мог заменить майора Бернда фон Фрайтаг-Лорингхофена, которого намечали назначить адъютантом Гудериана.

Огромный «Мерседес» начальника Генерального штаба остановился перед гигантской колоннадой новой имперской канцелярии, с правой стороны, возле входа, зарезервированного для представителей вермахта. Другой вход, с левой стороны, был предназначен только для членов нацистской партии – довольно красноречивое разграничение. За генералом Гудерианом, назначенным начальником Генерального штаба после известных событий 20 июля 1944 г., через тяжелые дубовые двери мимо салютующих часовых проследовал майор Фрайтаг-Лорингхофен, затем я.

За последние три недели русские войска вплотную подошли к Одере, в 70 километрах от ворот Берлина, с ходу форсировали реку и захватили несколько плацдармов на западном берегу. У немецкого Верховного командования уже не было резервов, чтобы заткнуть образовавшиеся в обороне бреши. Судьба столицы Германии, казалось, была предрешена, оставалась слабая надежда, что, быть может, советские войска под командованием маршала Георгия Жукова вдруг по какой-либо причине откажутся от дальнейшего продвижения на Берлин.

Просторный вестибюль с высоким потолком производил мрачное впечатление, которое усугублялось скудным освещением. На стенах не было привычных картин и гобеленов, на полу – ковров: все убрали из-за частых массированных бомбардировок. По потолку и по одной из стен змеились гигантские трещины. Многие оконные стекла были заменены картонными

и фанерными листами. Сторона, выходящая на старую имперскую канцелярию, была отгорожена дощатыми щитами, прикрывавшими поврежденную бомбами стену. Дежурный офицер попросил меня предъявить служебное удостоверение или другой документ. В конце концов он нашел мою фамилию в длинном официальном списке приглашенных и позволил мне проследовать. Майор сопроводил меня в адъютантскую комнату, представил армейскому адъютанту подполковнику Г. Боргману и поинтересовался, где состоится совещание; поскольку опасность воздушного налета была пока минимальной, участники совещания собирались не в бомбоубежище, а в просторном рабочем кабинете Гитлера.

Мы миновали множество различных коридоров и приемных. У входа в каждое помещение охрана тщательно проверяла наши пропуска. Идти пришлось окружным путем из-за значительных повреждений, причиненных помещениям бомбежками, особенно досталось церемониальному внутреннему двору, полностью разрушенному. Однако крыло здания, где помещался рабочий кабинет Гитлера, почти не пострадало. Полы были по-прежнему до блеска натерты, на стенах висели картины, на окнах – великолепные гардины. Перед приемной, ведущей в совещательную комнату и охраняемой эсэсовцами с автоматами, офицеры СС подвергли нас еще более тщательному досмотру. Мы сдали личное оружие и портфели, содержимое которых досконально инспектировалось. После покушения 20 июля 1944 г. портфели находились под особым подозрением. Нас не обыскивали, но опытные глаза эсэсовских офицеров внимательно изучали каждый квадратный сантиметр нашей тесно облегавшей фигуру военной формы. Снова подробно исследовались наши пропуска, после чего нам, наконец, позволили пройти в приемную.

Однако мы прибыли слишком рано, часы показывали только 3.45, и приемная пока пустовала. В ней находились только трое дежурных, чинно стоявших около стола с прохладительными напитками, и еще трое вооруженных эсэсовцев у двери в кабинет Гитлера, где должно было состояться совещание.

Генерал Гудериан воспользовался паузой, чтобы позвонить в штаб армейского командования в Цоссене и узнать последние новости о положении на Восточном фронте. Вскоре личный адъютант Гитлера штурмбаннфюрер Гюнше пригласил майора Фрайтага и меня пройти в рабочий кабинет фюрера, только окончившего консультации с Борманом. Через несколько минут я заметил в дверях и самого Мартина Бормана. Он был среднего роста, примерно 45–50 лет, коренастый, довольно полный, с толстой короткой шеей. На круглом лице с выступающими скулами и широкими ноздрями выражение почти свирепой жестокости, глаза и весь внешний вид свидетельствовали о коварстве, жидкие волосы были гладко зачесаны назад. Я как замороженный смотрел на человека, который, по слухам, имел огромное влияние на Гитлера, был злым гением команды фюрера. Проходя вслед за Гюнше мимо Бормана, мы коротко поприветствовали.

В кабинете с очень высоким потолком почти не было мебели, хотя пол устланы роскошные ковры. Выделялся громадный письменный стол Гитлера, на противоположной стороне помещения – небольшие стулья с твердыми сиденьями. Четыре узких и высоких окна, достигавших потолка, и стеклянная дверь выходили в сад канцелярии; на окнах – тяжелые серые шторы. Мягкое кресло у искусно сработанного мраморного стола для карт было поставлено таким образом, чтобы Гитлер мог сидя любоваться видом сада. На этом столе лишь телефон, кнопка электрического звонка, два увесистых пресс-папье и несколько цветных карандашей. Кроме того, в комнате я заметил круглый столик и глубокие кожаные кресла, расставленные справа и слева вдоль стен.

Я и майор Фрайтаг стали раскладывать на столе в заранее обусловленном порядке штабные карты: сверху – касающиеся положения дел в Венгрии, в самом низу – отражающие состояние курляндской группировки. Рядом стоял Гюнше, пристально наблюдавший за нашими манипуляциями, которые заняли всего пару минут. Ровно в 16.00 мы вернулись в приемную,

где уже собрались почти все участники совещания. Стоя или сидя небольшими группами, они с серьезным видом пили кофе или шнапс и уплетали бутерброды. Вскоре меня поманил к себе генерал Гудериан и представил начальнику Верховного командования вермахта (ОКБ) генерал-фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю, начальнику Генерального штаба сухопутных войск Альфреду Йодлю, гросс-адмиралу Карлу Дёницу и рейхслайтеру Борману. Оглядевшись, я заметил их адъютантов, державшихся вместе поблизости единой группой, а в дальнем углу приемной – рейхслайтера СС Генриха Гиммлера, беседовавшего с группенфюрером СС и генерал-лейтенантом войск СС Германом Фегелейном, своим постоянным представителем в ставке Гитлера. Заносчивая манера поведения Фегелейна объяснялась тем фактом, что его жена Грета Браун была родной сестрой Евы Браун, многолетней подруги Гитлера, с которой он незадолго до капитуляции Германии обвенчался. Фегелейн держал себя так, будто уже приходился своим самому фюреру. Немного в стороне внимательно изучал какой-то документ Эрнст Кальтенбруннер, наводящий страх грозный шеф Главного управления имперской безопасности. Заместитель заведующего отдела печати НСДАП и представитель этого ведомства в ставке фюрера Хайнц о чем-то разговаривал с Вильгельмом Цандером, штандартенфюрером СС и советником Бормана. Рейхсмаршал Герман Геринг сидел вместе с членами своего штаба генералами Карлом Коллером и Кристиансеном возле круглого столика. Вскоре через приемную в совещательную комнату проследовал генерал Бургдорф, старший адъютант Гитлера. Через минуту он вновь появился в дверях и заявил: «Господа, фюрер приглашает вас». Выстроившись в соответствии с воинскими званиями, мы, имея во главе Германа Геринга, прошли в рабочий кабинет Гитлера.

Фюрер стоял особняком посредине огромного помещения, повернувшись лицом к дверям. Почти каждого входившего он приветствовал по отдельности, молча пожимая руку. Иногда задавал вопросы, на которые получал короткие ответы: «да, мой фюрер» или «нет, мой фюрер». Я стоял у порога, с волнением ожидая официальной церемонии моего формального представления Гитлеру. Должно быть, генерал Гудериан упомянул обо мне, ибо я заметил, как фюрер взглянул в мою сторону, и тут же Гудериан жестом подозвал меня. Я направился к Гитлеру, и он, волоча ноги, сделал несколько шагов мне навстречу, ссутулившийся, немощный. Затем он протянул мне правую руку, и я ощутил слабое и вялое рукопожатие, абсолютно лишённое какой-либо силы или чувства. Его голова слегка тряслась, и это поразило меня больше всего. Левая рука безжизненно висела вдоль туловища, и левая ладонь дрожала мелкой дрожью. Двигался он как очень больной и дряхлый старик. Лицо говорило о крайнем утомлении и полном изнеможении, лишь глаза горели внутренним нестерпимым огнем, который моментально настораживал и казался почти неестественным; взгляд был пронизывающим.

Это был вовсе не тот бодрый и энергичный Гитлер, каким представлял его себе германский народ и каким его продолжал изображать рейхсминистр пропаганды Пауль Йозеф Геббельс.

Но вот он повернулся и, сопровождаемый Борманом, шаркая ногами, медленно направился к столу и сел в кресло перед стопкой карт, которые мы недавно заботливо разложили. Совещание должно было начаться с рассмотрения военной ситуации на юго-востоке, юго-западе, на западе и севере. Эти боевые участки находились в ведении начальника Верховного командования вермахта Кейтеля, который, однако, предпочел дать высказаться начальнику штаба сухопутных войск Альфреду Йодлю. Офицеры помоложе называли Кейтеля «имперским гаражным». Причем имелись в виду вовсе не особенности характера генерал-фельдмаршала, а чрезвычайная ограниченность его служебных полномочий. Пожалуй, это прозвище наиболее точно описывало круг его оперативных и стратегических обязанностей: по-настоящему ведал он только вопросами обеспечения Третьего рейха горюче-смазочными материалами. На все другие сферы военного руководства Кейтель не имел никакого влияния и лишь

ради сохранения видимости единодушия при принятии решений послушно ставил свою подпись под приказами Гитлера.

Докладывал Йодль тихим, спокойным голосом; фюрер терпеть не мог громкой речи, и Йодль всеми силами стремился его не раздражать и не выводить из себя.

– Мой фюрер, – говорил Йодль, – армейская группа «Д» на юго-востоке потеряла четыре танка. В данном районе мы смогли успешно решить поставленные задачи. К югу от Дравы нашим соединениям удалось оторваться от противника. По обе стороны дороги Сараево-Брод наша 104-я пехотная дивизия продолжает наступать. В приграничной зоне между Сербией и Хорватией, на реке Дрине, наша 22-я пехотная дивизия продвигается вперед. Крупные партизанские отряды появились в Словении. По сообщению командования, на юго-восточном участке фронта оно располагает войсками общей численностью в 25 тысяч человек. 22-ю пехотную дивизию должна сменить 104-я дивизия. Четники¹ ведут наступление на Тузлу, что поможет нашим соединениям в данном районе на границе с Сербией.

После этого наступила небольшая пауза, во время которой меняли карты. Гитлер сидел неподвижно при всеобщем молчании, только слегка приподнял руку, когда убрали карту юго-восточного отрезка фронта.

Затем Йодль продолжил свой доклад. На этот раз речь зашла об итальянском театре военных действий, где сражалась группа армий «Ц(С)».

– На Итальянском фронте, мой фюрер, – возобновил свой доклад Йодль, – противник активно ведет разведку боем; в остальном никаких серьезных соприкосновений с ним нет. Отход 356-й пехотной дивизии в Венгрию осуществляется по плану. 16-я моторизованная дивизия СС готовится передислоцироваться на новые позиции.

Здесь Йодль обратил внимание собравшихся на успешные действия инженерно-саперной роты в районе к северу от Флоренции, хвалил проявленную ею доблесть и отвагу, стараясь изо всех сил приободрить Гитлера, пребывавшего, по всем признакам в этот день, не в лучшем настроении, отвлечь его от общей безрадостной картины положения на фронтах. В действительности же обе немецкие армии после ожесточенных боев отступили на рубеж севернее Флоренции. Однако Гитлер нетерпеливым движением руки прервал его дифирамбы, и Йодль продолжил говорить о войсках, выдвигаемых на западное направление. Фюрер по-прежнему сидел сгорбившись над столом, не отрывая взгляда от штабной карты. Верхняя часть туловища, будто обессилев, навалилась на руки.

– Мой фюрер, – говорил далее Йодль, – на Западе наши войска прочно удерживают плацдармы в нижнем течении Мозеля, отбивая настойчивые атаки Первой канадской армии. Вражеские войска в районе Оре, где действует группа армий «Б», окружены. Вместе с тем наши резервы – 12-я моторизованная дивизия и 9-я танковая дивизия СС – связаны ожесточенными атаками противника на левом фланге 15-й армии.

На ситуацию на Западе в значительной мере повлияло наступление в Арденнах. Теперь войска обеих сторон были заняты перегруппировкой. Если не считать этого частичного успеха, никаких признаков возможной победы Германии в этой войне при всем желании обнаружить не удавалось. А потому Йодль вновь заострил внимание на единственном локальном достижении, восхваляя храбрость и находчивость какого-то безвестного унтер-офицера, взявшего в плен несколько вражеских солдат в ходе разведывательной операции севернее Холлерата. Однако Гитлер прервал повествование Йодля, предложив ему закончить описание обстановки на западном направлении.

– В расположении группы армий «Ц(С)», в полосе действия 19-й армии, противник продолжает наступление. В районе Кольмара наши войска предприняли ряд успешных контратак. Отход 25-й моторизованной дивизии благополучно завершился. На южном фронте пока

¹ Четники – члены организаций фашистского толка.

наблюдается затишье, если не считать отдельных мелких стычек. Снабжение наших войск, удерживающих укрепления на Атлантическом побережье, организовано вполне удовлетворительно. Из Ла-Рошели к дельте Жиронды удалось перебросить живую силу и материальные средства, что должно усилить морскую блокаду Бордо. Перегруппировка в Норвегии, последовавшая за отводом 199-й пехотной дивизии, идет по плану. Ненастная погода в северной части Балтийского моря препятствует эвакуации наших войск из Осло.

Из Дании поступили сообщения лишь о мелких диверсиях. Собраны вместе 16 маршевых батальонов, подлежащих эвакуации. В Дании же пройдут необходимую боевую подготовку в качестве пехотинцев 20 тысяч матросов, переданных в распоряжение сухопутных войск командующим военно-морскими силами.

Йодль кончил. На протяжении всего доклада Кейтель не проронил ни слова. Только Геринг иногда позволял себе дилетантские реплики, касающиеся ведения войны на суше. В последовавшей затем дискуссии время от времени участвовал и Борман.

Судя по всему, Гитлера доклад Йодля удовлетворил. Слегка приподнявшись в кресле, он, обращаясь к адъютанту Кейтеля подполковнику фон Иону, сказал шутя: «Дорогой Йон, позаботьтесь о том, чтобы эти два господина при воздушных налетах своевременно оказывались в бомбоубежищах».

Фюрер явно симпатизировал обоим военачальникам, которые всегда умели принорочиться к его настроению и никогда и ни в чем ему не возражали. Поведение Кейтеля и Йодля как бы лишней раз подтверждало позицию Гитлера как Верховного главнокомандующего, и именно этого требовал он от своих ближайших сподвижников.

Следующим докладчиком был генерал Гудериан, обрисовавший положение дел на восточном направлении. Начал он с описания общей обстановки.

– Войска группы армий «Юг» в районе озера Балатон, – сказал Гудериан, – отразили все атаки противника. Гарнизон, оставшийся в Дунапентеле, вышел из окружения. Предполагается отвод войск к следующему рубежу обороны на уровне озера Веленце. Сосредоточение крупных соединений в районах южнее Штульвейссенбурга и севернее излучины Дуная свидетельствует о готовящемся наступлении русских. Положение окруженного гарнизона Будапешта с каждым часом ухудшается. Горючее, боеприпасы и продовольствие доставляем по воздуху, но в количестве, далеко не покрывающем потребности. Бои идут вокруг замка. Советские войска продвинулись на километр через внешний обвод обороны.

Что касается группы армий «Центр», то ее соединения отводятся на заранее подготовленные рубежи в связи с угрозой прорыва ее обороны противником. Чтобы сдержать его, мы предприняли локальное контрнаступление. Захваченный русскими плацдарм у Ратибужа продолжает расширяться. Командование группы армий сменило здесь 20-ю танковую дивизию. Некоторый успех достигнут в боях на вражеских плацдармах по обе стороны Ополе. С другой стороны, советские войска сумели расширить свой плацдарм у Олавы. Ухудшилась ситуация и с плацдармом у Штейнау, идут бои в самом городе. Возле Кульма подбито 27 танков противника. Корпус генерала Дитриха фон Заукена с боями пробился к Одере и готовится его форсировать.

В районе действия группы армий «Висла» наши части восточнее Глогува оторвались от противника. Окруженный противником город Познань подвергается непрерывным атакам. В городе свыше двух тысяч раненых немецких солдат. Положение с продовольствием и материально-техническим обеспечением хуже критического. К северо-востоку от Франкфурта-на-Одере идут ожесточенные бои близ Бишофсзее и Зоннеберга. В районе Кюстрина продвижение передовых советских частей остановлено. Около Циленцига, к северо-западу от Кюстрина, русским удалось захватить плацдарм на западном берегу Одера. Линия обороны на рубеже Тиштигеля прорвана в нескольких местах. Швибус и Шнайдермюль окружены русскими. Идут ожесточенные бои в окрестностях Киница, Нойдамма и Фрайенвальде. Торнский гарнизон

успешно провел вылазки в северо-восточном направлении и потеснил противника. Также идут бои вокруг замка Мариенбург. Вблизи Эльбинга открыт коридор на запад. В Восточной Пруссии русские захватили Хайльсберг и Фридланд. Наши контратаки успеха не имели. Ожесточенные бои к юго-западу от Кенигсберга. Здесь русские блокировали залив Фришес-Хафф. Севернее Кенигсберга русские продвигаются вперед. Их атака на Земланд отбита.

На Курляндском фронте лишь мелкие стычки. Снабжение группировки всем необходимым вполне обеспечиваем. Эвакуация 3-го корпуса СС, остатков 4-й танковой и 32-й пехотной дивизий проходит по плану. Кроме того, отведены на другие позиции 389-я, 281-я и 81-я пехотные дивизии.

В докладе Гудериана, немногословном и деловом, вовсе отсутствовали заискивающие нотки, присутствовавшие в речи Йодля. Это было обусловлено не только различиями в характерах обоих генералов, но также переживаниями Гудериана в 1941 г., когда после провала наступления на Москву ему пришлось выслушать от Гитлера много горьких слов и он был отстранен от должности и отправлен в резерв Верховного главнокомандования. Гитлер не любил Гудериана; фюрера раздражала независимая манера поведения генерала, и он сделал его козлом отпущения, ответственным за провал зимней кампании под Москвой, хотя идея скорейшего прорыва к столице Советского Союза принадлежала самому Гитлеру. Однако после попытки покушения 20 июля 1944 г. список надежных, с точки зрения Гитлера, генералов значительно сократился. Отправляя в отставку с поста начальника Генерального штаба сухопутных войск Курта Цайтцлера, он намеревался заменить его Вальтером Буле, но состояние здоровья последнего не позволило это сделать. В конце концов выбор пал на Гудериана, считавшегося великолепным специалистом в вопросах использования танков в боевых операциях.

Возвращение Гудериана на активную военную службу произошло не в очень благоприятной обстановке. После неудавшегося покушения доверие Гитлера к германскому офицерскому корпусу, и особенно к генералитету, было окончательно подорвано. Но он все-таки поддерживал с Гудерианом на протяжении нескольких месяцев более или менее нормальные отношения, но уже в ноябре 1944 г. они снова испортились. Взаимная неприязнь проистекала из коренных разногласий, касающихся военной тактики, однако существовал и значительный дополнительный фактор. Гудериан, когда считал нужным – а это случалось довольно часто, – смело выступал против мнений и решений Гитлера, открыто предупреждая его о негативных последствиях. Гудериан был одним из немногих из ближайшего окружения фюрера, не боявшихся отстаивать собственные взгляды и вступать в полемику с Гитлером.

После провала наступления в Арденнах, начавшегося 16 декабря 1944 г., в мозгу Гитлера крепко засела новая сумасшедшая идея. Он почему-то вообразил, что, применяя наступательную стратегию, ему удастся ввести в заблуждение противника, скрыть от него собственную слабость. Другими словами, Адольф Гитлер старался придерживаться своей политической и военной доктрины – наступать любой ценой, во что бы то ни стало. Разумеется, ему также хотелось и выиграть время. Неудивительно, что Гудериан по всем важным вопросам ведения войны расходился с Гитлером. По мнению генерала, германский фронт был чересчур растянут. Как считал Гудериан, страна не располагала даже приблизительно необходимыми ресурсами, чтобы осуществлять крупные наступательные операции и одновременно создавать надежную оборону в первую очередь на Востоке. Гудериан слишком хорошо понимал чрезмерную протяженность немецких оборонительных линий на Востоке и видел свою главную задачу в том, чтобы удержать Красную армию от проникновения в Центральную Европу. Поэтому он предложил сосредоточить все силы на создании мощных оборонительных рубежей на Восточном фронте. Он понимал: достигнуть этого можно было лишь за счет ослабления сопротивления на Западе и пожертвовав курляндским анклавом. И тем не менее Гудериан был полон решимости убедить Гитлера в разумности своего замысла и с этой целью выехал из Цоссена в ставку фюрера под названием «Орлиное гнездо», расположенную в Бад-Нойхейме, куда тот перебрался в ночь

под Рождество 1944 г. из «Волчьего логова» в Восточной Пруссии, чтобы лично руководить наступлением в западном направлении. Рискуя собственной жизнью, Гудериан потребовал от Гитлера отдать приказ о прекращении наступательных действий в Арденнах и о переброске высвободившихся воинских частей на Восточный фронт, где сложилась угрожающая обстановка. Как предполагал генерал, русские, по всей вероятности, начнут генеральное наступление 12 января 1945 г.

Гитлер наотрез отказался последовать совету Гудериана. Вместо этого он приказал в ночь под Новый год начать наступательную операцию под кодовым названием «Северный ветер», рассчитывая в итоге вернуть территорию Эльзас-Лотарингии, разгромить 7-ю американскую армию, увенчать себя лаврами победителя и возобновить захлебнувшуюся Арденнскую кампанию, с которой связывал большие надежды. Подобные картины воображаемых военных подвигов часто возникали в мозгу Гитлера, подменяя реальные события различными фантазиями, выдавая желаемое за действительное. В этих видениях он многократно уничтожал англо-американские вооруженные силы, не принимая во внимание серьезные неудачи на Западном фронте и настойчивые предупреждения о предстоящем в ближайшее время крупном наступлении русских с наревского и трех висленских плацдармов.

Но Гудериан не хотел так легко отказываться от своих планов и 31 декабря 1944 г. вновь отправился в «Орлиное гнездо», чтобы еще раз попросить Гитлера выделить для Восточного фронта дополнительные воинские части, боеприпасы и технику. Используя составленный разведывательным ведомством генерала Рейнхардта Гелена подробнейший отчет о численности и передвижении стрелковых и бронетанковых соединений русских, Гудериан пытался наглядно продемонстрировать фюреру степень серьезной опасности, грозящей Германии на Востоке. Все полученные документы недвусмысленно указывали на 12 января как на вероятную дату начала русского наступления. Однако никакие доводы на Гитлера не действовали, но и Гудериан пока не сдавался. 9 января он вновь попробовал обрисовать фюреру реально складывавшуюся ситуацию, приводя новые, более свежие документальные доказательства, вновь упоминающие 12 января как срок перехода русских в наступление. Все напрасно. Гитлер оставался глух к любым аргументам, называя сообщения Гелена «идиотскими» и «неуклюжей дезинформацией». Он отказывался верить сведениям о концентрации советских войск и об их приготвлении к нападению, потому что эти сведения не вписывались в его планы. Он ясно дал это понять, заявив, что «Восточный фронт должен обходиться наличными ресурсами». Нет нужды особо подчеркивать, что, как и ожидалось, 12 января русские нанесли мощный удар с плацдармов, созданных на реках Нарев и Висла, южнее и севернее Варшавы. Намного превосходящие силы противника в течение двух дней преодолели значительно более слабую линию обороны на всем пространстве от Восточной Пруссии до Карпатских гор. Были потеряны Польша и Силезский промышленный бассейн, бывшая часть Восточной Пруссии и все немецкие земли восточнее Одера, за исключением Верхней Померании. Красная армия приблизилась вплотную к Кюстрину, то есть оказалась у ворот Берлина.

Окончив свой доклад, Гудериан с легким поклоном отступил в сторону. Во время короткой паузы я убрал карты со стола, затем вперед вышел генерал Кристиансен из оперативного штаба военно-воздушных сил, чтобы изложить обстановку в воздушном пространстве Германии. Присутствовавшие Геринг и начальник штаба ВВС генерал Коллер молча слушали.

– Мой фюрер, – начал Кристиансен, – осуществлено 38 самолетов-вылетов в поддержку наших частей, сражающихся в районе Моншау. Сбито 10 «Москитов», направлявшихся бомбить Берлин. Около 900 английских четырехмоторных бомбардировщиков совершили массивный дневной налет на Людвигсхафен. 54 четырехмоторных самолета противника бомбардировали Вену. Еще 150 самолетов атаковали...

Пока генерал Кристиансен докладывал, Гудериан подошел к гросс-адмиралу Дёницу, и они вместе уединились в самом конце комнаты. Наблюдая за ними, я припомнил один неприят-

ный инцидент, произошедший со мной в этом помещении, благополучным завершением которого я всецело обязан вмешательству гросс-адмирала. А случилось это в начале того же месяца, когда я только что был назначен старшим помощником начальника Генерального штаба и еще не совсем освоился в новой должности. Тогда фон Фрайтаг-Лорингхофен задержался в Цоссене, и мне пришлось одному сопровождать генерала Гудериана на очередное совещание в имперской канцелярии, в рабочем кабинете Гитлера. Перед началом я остался один в комнате и стал под пристальным взглядом личного адъютанта Гитлера эсэсовца Гюнше раскладывать на столе карты, нужные для иллюстрации высказываний Гудериана. В соответствии с установленным порядком он всегда начинал с Венгрии и заканчивал Курляндией. Так уж случилось, что я по невнимательности положил карту Курляндии сверху, а карту Венгрии – последней. Кто-то, незнакомый с тогдашними условиями в стране, может посчитать это незначительной промашкой, не заслуживающей внимания, на самом же деле в те времена подобная оплошность приравнивалась к тяжелейшему преступлению.

Настал момент, когда генерал Бургдорф пригласил участников совещания, собравшихся в приемной, пройти в обширный кабинет Гитлера. Поприветствовав каждого в отдельности, фюрер занял свое обычное место в кресле во главе стола перед стопкой оперативных карт. Гудериан стоял слева от него, готовый приступить к докладу, а я, тогда еще официально не представленный Гитлеру, занял место справа, ожидая команду к смене карт по мере перехода с одного фронта на другой. Генерал Гудериан, как и положено, начал с обстановки в Венгрии, но уже в середине первой же фразы он вдруг запнулся и уставился на меня свирепым взглядом. Гитлер молча посмотрел на меня с выражением, которое трудно описать, и откинулся назад. Поняв свою ошибку, я в ужасе стал что-то бессвязно бормотать, все присутствующие смотрели на меня, будто на отпетого негодяя. Только гросс-адмирал Дёниц, улыбнувшись и проговорив несколько утешительных слов, кивком пригласил меня разложить карты вновь в нужной последовательности. Инцидент быстро был предан забвению, а у меня сохранилось к гросс-адмиралу глубочайшее чувство благодарности за проявленную им доброту.

Гудериану было известно об особом влиянии Дёница на Гитлера, и он считал, что у адмирала больше шансов убедить фюрера согласиться с предложениями Генерального штаба сухопутных войск. Гудериан хотел во что бы то ни стало перевести в Германию изолированные в Курляндии 16-ю и 18-ю армии и использовать эти 23 дивизии для усиления восточного сектора обороны Берлина. О прорыве в Восточную Пруссию, на чем настаивал Гудериан в последние месяцы 1944 г., теперь уже не могло быть и речи. Но было еще не поздно эвакуировать воинские части из Курляндии через порты Виндавы и Либавы. Решать нужно было быстро: с каждым днем шансы на успешную эвакуацию заметно уменьшались. Гудериан старался доказать Дёницу настоятельную необходимость скорейшего укрепления оборонительных рубежей на Одере. Все прежние попытки Гудериана в данном направлении Гитлер парировал своим любимым аргументом относительно угрозы вступления в войну Швеции. И хотя германское посольство отрицало наличие подобных намерений у шведского правительства, Гитлер неизменно утверждал, что только присутствие немецких дивизий в Курляндии удерживало Швецию от присоединения к союзникам. Кроме того, по мнению фюрера, которое разделял и Дёниц, с потерей Курляндии возникает реальная опасность для тренировочной базы подводников в районе Данцига.

Между тем генерал Кристиансен продолжал докладывать:

– Задействовано 6 самолетов для снабжения окруженных в Будапеште наших воинских подразделений. В Силезии наши войска уничтожили 20 вражеских танков и 600 автомашин. Особенно успешно действовал 1-й истребительный полк. Авиационные удары по советским плацдармам по эту сторону Одера и по скоплениям вражеских войск в полосе обороны 9-й армии...

Генерал скрупулезно перечислял отдельные случаи бомбардировок авиацией противника в ходе ожесточенных столкновений на всех фронтах, усилия по материально-техническому обеспечению окруженных немецких войск.

Но вот Гитлер прервал докладчика и, обращаясь к Герингу, спросил:

– Геринг, как обстоит дело с новыми боевыми самолетами?

Геринг что-то пробормотал в замешательстве и жестом приказал генералу Коллеру дать нужные пояснения. Тот, в свою очередь, предоставил слово Кристиансену.

– Мой фюрер, – начал Кристиансен. – Возникли непредвиденные производственные трудности: сильно ограничены возможности транспортировки по железной дороге и другими средствами...

Здесь Гитлер вновь прервал генерала:

– Ах, оставьте... не имеет значения... докладывайте дальше, – проговорил он еле слышно, слегка хриплым голосом.

И откуда могли взяться новые самолеты? Ведь всякий раз, как только приступали к выпуску новой модели, Гитлер тут же, поддавшись на чьи-нибудь уговоры, вносил существенные поправки в уже утвержденную конструкцию, останавливал конвейер и приказывал подготовить новые чертежи. И эта чехарда длилась уже не один год. В результате немецкая авиационная промышленность не смогла наладить массовое производство действительно скоростных реактивных самолетов Me-262, оснащенных мощными огневыми средствами, которые по всем параметрам превосходили аналогичные самолеты союзников. Еще в 1943 г. Гитлер запретил их производство, поскольку считал оборонительным оружием. Тогда же он распорядился увеличить выпуск бомбардировщиков и интенсифицировать бомбовые атаки на Англию. К тому времени уже несколько германских городов были превращены в руины. Немецкая противовоздушная оборона оказалась не в состоянии противостоять англо-американским воздушным армадам, немецкие истребители по своим боевым качествам уступали союзнической авиации, которая не испытывала трудностей при отражении разрозненных наскоков немецких самолетов.

Когда генерал Кристиансен окончил, настал черед адмирала Вагнера, начальника оперативного штаба ВМС, изложить состояние дел с морскими операциями. Гросс-адмирал Дёниц в этот момент стоял у противоположного от Гитлера конца стола с картами, рядом с ним – адмирал фон Путткамер, с 1934 г. военно-морской адъютант фюрера. Доклад Вагнера главным образом касался морских перевозок живой силы и техники между норвежскими, датскими и немецкими портами. Он также упомянул об огневой поддержке артиллерией крейсеров «Принц Евгений», «Лютцов» и «Шеер» немецких войск, ведущих ожесточенные сражения на побережье Восточной Пруссии, о транспортировке морским путем немецких военных частей, продовольствия и боеприпасов между Курляндией и портами в западной части Балтийского моря и долго распространялся о мужестве моряков, осуществляющих эвакуацию гражданского населения из Восточной Пруссии и Данцига по еще не занятым противником проливам.

По окончании доклада Вагнера почти каждый из присутствовавших, имевших по своему положению или чину на это право, принял участие в последующем обсуждении, причем независимо от наличия соответствующих специальных познаний и опыта. На этом официальная часть совещания закончилась, однако гросс-адмирал Дёниц вновь обратился к Гитлеру:

– Мой фюрер, я должен проинформировать вас по вопросу эвакуации курляндской группировки. Верховное командование сухопутных войск разработало план по ее транспортировке в Германию. Он предусматривает тотальное использование всех наличных судов и активную поддержку со стороны военно-воздушных сил. И Виндава, и Либава располагают вполне адекватными погрузочными возможностями. Всего операция затронет полмиллиона человек. По моим подсчетам для перевозки войсковых частей и важной техники понадобится не более четырех недель. Некоторые виды тяжелого вооружения придется оставить на месте.

Дёниц со всей страстью, на какую был способен, отстаивал план Гудериана. Изменить прежнее мнение адмирала побудил тот неоспоримый факт, что русские уже подошли вплотную к Данцигу и Гдыне. Медленно поднявшись, Гитлер, волоча ноги и сцепив руки за спиной, несколько раз прошелся по комнате, затем, резко повернувшись, сердито ответил Дёницу:

– Я, кажется, уже говорил, что об эвакуации курляндской группировки не может быть и речи. Я не могу бросить тяжелую технику и, кроме того, должен иметь в виду Швецию. – Потом, уже спокойнее, добавил: – Одну дивизию можно перебросить в Германию... Гудериан, представьте мне завтра соответствующий план... Я благодарю вас, господа... Борман, оставайтесь, пожалуйста.

Отдав честь и забрав принесенные с собой документы, все, за исключением Бормана, покинули помещение.

Как только за ними закрылись массивные двери совещательной комнаты, в приемной сразу стало очень оживленно. Геринг с помощником тотчас же покинул помещение, за ними последовали Гиммлер, Кальтенбруннер и Фегелейн. Адъютанты взялись за телефоны, остальные расселись за столами, чтобы немного подкрепиться и обменяться мнениями. К Кейтелю подошел дежурный офицер и предложил сигар. Довольный фельдмаршал, улыбаясь, тщательно выбрал одну и торжественно закурил, другая сигара исчезла в его правом нагрудном кармане. Дёниц наслаждался бокалом шнапса, беседуя со своим штабным офицером. Мы оставались в приемной примерно с полчаса, после чего проделали обратный путь по бесконечным коридорам и комнатам мимо множества часовых с бесчисленными проверками и в конце концов снова оказались на свежем воздухе. Часы показывали почти половину восьмого вечера, когда подъехала автомашина, чтобы доставить нас обратно в Цоссен.

Была ясная звездная ночь, и мы ехали по затемненному Берлину с потушенными фарами. Мимо скользили сплошные развалины, огромные кучи битого кирпича, улица за улицей, без малейших признаков жизни, без единственного лучика света. Действительность выглядела мрачно и жутко, будто мир призраков, полуразрушенные здания тянулись остатками стен к ночному небу. Было трудно поверить, что когда-то здесь шумел процветающий большой город с ярко освещенными улицами и искусно декорированными витринами, с толпами нарядно одетых людей. В одном месте мы чуть было не налетели на поспешно возведенную баррикаду вокруг неразорвавшейся бомбы. Но скоро Берлин остался позади, и мы стали ощущать не жарь пожарищ, а чудесный запах соснового леса. После получасовой езды автомобиль повернул налево и миновал большие ворота: мы прибыли на центральный командный пункт, расположенный в Цоссене, в 30 километрах к югу от Берлина.

Штаб-квартира включала два комплекса зданий, возведенных в Бранденбургском лесу: в Мейбах-II размещались управления Генерального штаба сухопутных войск, в Мейбах-I, в 500 метрах далее к югу, находились члены Верховного главнокомандования вермахта и сотрудники оперативного управления. Двенадцать строений были сгруппированы в форме подковы, прекрасно замаскированы и связаны между собой подземными переходами. Весь комплекс был готов уже в 1939 г. и являлся первой штаб-квартирой германских вооруженных сил во время польской кампании. Два здания имели по два подземных уровня. Подземный ход вел также в так называемую «службу 500», самый крупный телекоммуникационный центр Германии, помещенный на глубину 20 метров. Сюда сходились все военные и важнейшие гражданские телефонные линии, соединявшие Верховное командование и администрацию Берлина со всеми уголками Третьего рейха и всеми оккупированными европейскими территориями. Центр значился под условным названием «Цепелин».

Не успели мы прибыть на командный пункт, как нас уже предупредили о предстоящем в скором времени воздушном налете: дескать, английские бомбардировщики уже на подходе к Берлину. Потом, около 9 часов вечера, позвонили из имперской канцелярии и передали телефонограмму: «В полночь в подземном убежище фюрера состоится брифинг. Подъезд со сто-

роны Герман-Герингштрассе. Генералу Гелену взять с собой досье, касающееся фронтов в Венгрии и Померании».

Гитлер часто устраивал подобные ночные совещания, демонстрируя полное пренебрежение к нашему самочувствию. Он сам давно уже принадлежал к так называемым «полуночникам», для нас же эти мероприятия были не чем иным, как напрасной, изнуряющей тратой времени. Поступившее требование буквально вывело из себя генерала Гудериана, прекрасно знавшего, насколько мы все были перегружены текущей работой. Едва я положил телефонную трубку, как снова позвонили из имперской канцелярии: «В связи с воздушной тревогой совещание переносится на 1 час ночи. В остальном распоряжение остается в силе». Судя по всему, в эту ночь нам предстояло обойтись без сна.

Воздушный налет мы переждали в бомбоубежище на втором, более глубоком уровне, и после сигнала отбоя вновь выбрались на поверхность. Эти хождения вниз и вверх были сопряжены с определенными сложностями: всякий раз мы должны были брать с собой все важные документы. Перед возвращением в Берлин нам, кроме того, следовало получить как можно больше информации о последствиях воздушного налета: какие части города претерпели наибольшие разрушения, где возникли серьезные пожары. Знать это было необходимо, чтобы благополучно объехать временные заграждения и не опоздать на совещание в имперской канцелярии.

Глава 2

ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ГОДЫ

Быть может, оттого, что я недавно побывал в совсем ином мире – на семейных торжествах в Любеке по случаю моего 27-летия, – или потому, что я отчетливо сознавал ожидавший меня новый и непривычный круг обязанностей в качестве адъютанта Гудериана, но только когда я собирал нужную для предстоящего ночного совещания информацию, перед моим внутренним взором тянулась непрерывной чередой вереница предшествовавших настоящему моменту событий.

Любек всегда был вольным имперским городом. Свою независимость он утратил только в 1937 г., когда при нацистском правлении вошел в состав Пруссии. Расположен Любек – бывший центр Ганзейского торгового союза северных немецких городов – в нижнем течении реки Траве, впадающей в Любекскую бухту. Старые церкви, городские дома с остроконечными крышами, торговые ряды и старинные крепостные стены напоминают о былом величии Любека; здесь я родился в 1918 г. в довольно состоятельной семье и рос в обстановке благополучия и относительной безопасности, сопутствующей обычно людям среднего сословия. С ранних лет меня интересовали музыка, хорошие книги, гребля и верховая езда.

Ощущение внутренней гармонии с окружающим миром внезапно исчезло, когда Гитлер в 1933 г. стал канцлером Германии и власть в стране захватила так называемая Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП). В том же году я вступил в гитлерюгенд, политическую нацистскую организацию для юношей 15–18 лет. В ней я впервые соприкоснулся с политикой. Привлекли меня, пожалуй, возможность деятельно участвовать в решении конкретных задач и в достижении четко обозначенных целей, а также сугубое внимание к спорту и военизированным играм. Мне бесконечно нравился незнакомый мне прежде коллективный дух товарищества, насквозь пронизанный юношеским идеализмом, и я вскоре был назначен руководителем своей группы. Однако занимал я этот пост недолго. Дело в том, что я с детства был приучен иметь и открыто выражать собственное мнение. Именно эта особенность моего характера послужила причиной конфликта с руководством местного отделения гитлерюгенда. В 1936 г. меня исключили из организации. Кому-то нынче, особенно незнакомым с тогдашними условиями, данный случай может показаться незначительным, однако в тот период в Германии он был чреват весьма серьезными последствиями. В какой-то мере я узнал на собственном опыте, что означает диктаторский режим и какие способы воздействия на отдельного гражданина может использовать авторитарная система. У меня возникли трудности в школе и неприятности с полицией, и в конце концов пришлось примириться со странным отказом армии зачислить меня в свои ряды, хотя я выдержал экзамены на офицерский чин с отличием. Этот удар отбил у меня всякое желание стать кадровым военным, и в 1937 г. я покинул школу в Любеке, получив свидетельство об окончании средней школы и намереваясь продолжить образование в университете. Но прежде мне надлежало отбыть трудовую повинность и выполнить свою воинскую обязанность. Трудовую повинность мне пришлось отбывать в лагере Сёрап близ датской границы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.